

В.С. Батури́н*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: baturin_vs@mail.ru)*

Взаимообусловленность сосуществования гражданского общества и правового государства (логико-методологический дискурс)

В статье рассмотрены причины, ставящие под сомнение убеждения о безупречности государственного законодательства, осуществляемого в логике: закон–права–свобода. Протестные выступления, связанные с «борьбой граждан за свои права и свободы», особо обострившиеся в связи с COVID–19, даже стали нести угрозу целостности отдельных государств. Примером могут служить январские события 2022 года, имевшие место в Республике Казахстан. Ретроспективный анализ идей о взаимообусловленности влияния, существующего между гражданским обществом и государством, позволил выявить их основные тенденции. В античности государственное нормирование жизни граждан полиса осуществлялась в логике: свобода–обязанности–права. В римской империи нормирование жизни государства и его граждан начинает принимать ярко выраженный юридизированный формат. Эволюция идей в данном формате наглядно свидетельствует, что в последующем различного рода естественно-правовые концепции едины в том, что любое искусственное социальное образование не вправе отчуждать права, которые даны индивиду самой природой. С этого времени в законодательстве государств безусловный приоритет отдается правам. В учениях представителей немецкой классической философии во взаимоотношениях гражданского общества и государства еще виден возврат к значимости паритета между обязанностями и правами. В последующем же логика: закон–права–свобода стала определяющим атрибутом законодательства государств, относимых сегодня к разряду правовых. Как следствие, функционирование гражданского общества, прямо или косвенно, перешло под их непосредственный патронаж.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, справедливость, свобода, обязанности, права, закон, естественное право, субъект-объектная парадигма.

Введение

Как известно, в основе обустройства современных правовых государств лежит убеждение о безусловном верховенстве в обществе законов, определяющих непререкаемый приоритет прав и свобод человека. Это отчётливо прослеживается на примере организации и нормирования государствами деятельности такого социального института, как гражданское общество. Различия в понимании этого роднит то, что именно права и свободы, «оформленные законодательно», авторами рассматриваются в качестве исходного условия при организации нормирования практически всех видов существующих в обществе социальных взаимоотношений. Подтверждением тому может служить, к примеру, одно из числа наиболее типичных определений, согласно которому: «Гражданское общество — это состояние общественных, экономических, культурных, политических отношений, при котором законодательно оформлены и соблюдаются на практике права человека и гражданина, ... включающее в себя различного рода общественные объединения, которые являются практической площадкой для реализации интересов участников» [1; 117].

Пугающая непредсказуемость глобализационных процессов, непреходящая угроза мирового экономического кризиса, стремительно растущее противостояние между ведущими мировыми политическими акторами и т.д., сегодня значительно обострились в связи с COVID–19. Как следствие, практически все страны мира были вынуждены принимать жесткие карантинные меры в целях сохранения жизни и здоровья своих граждан. Однако часть населения усматривает в этом ограничение личных прав и свобод человека. «Если ныне действующие многочисленные ограничения в сфере каждодневной жизни и основных прав затянутся на длительное время, то свобода окажется под угрозой» [2].

В условиях стремительно усиливающейся социальной напряженности различного рода протестные выступления, относимые к разряду «борьбы граждан за свои права и свободы», в отдельных странах начинают представлять собой даже угрозу их государственной целостности. Это в полной мере можно отнести и к январским событиям 2022 года, имевшим место в Республике Казахстан. Анализ породивших их причин, равно как и сопряженных с этим упущений властей, приведшие к проявлению различного рода актов насилия, грабежа, разбоя и т.д., конечно же, ждут своего дальнейшего выявления. Однако уже сегодня ясно одно — многие ориентиры, ценности и идеалы наличного социального окружения, в которое так стремительно желало вписаться все постсоветское пространство, оказались не так уж и безупречными.

В этой связи перед Казахстаном стоит настоятельная потребность не только в поиске конкретных шагов и в принятии далеко не популярных мер, связанных с преодолением последствий данных событий. Она неотделима от необходимости разработки собственной стратегии в преодолении возникающих перед страной различного рода вызовов и угроз. Что, в свою очередь, требует определенного переосмысления понятийно-категориального аппарата, лежащего в основе нормативно-правовой организации отношений между человеком, гражданским обществом и государством.

Методология и методы исследования

В статье использовано ретроспективное обращение к эволюции идей о понимании сущности гражданского общества и правового государства. Применение компаративного метода при анализе полученных результатов, применяемого в контексте деятельностного подхода, во многом позволило определить влияние конкретных исторических условий на формирование соответствующих научных представлений. Что может послужить более адекватному пониманию тех событий, с которыми может быть сопряжена жизнь страны и ее социального окружения в современных условиях.

Результаты и обсуждение

Идеи о сущности гражданского общества и правового государства своими корнями во многом уходят в античность. В основе организации общественных отношений этого времени лежало мета мировоззренческое представление греков о человеке как о микрокосме. Исходя из этого, греки считали себя способными соответствующим образом гармонично упорядочить и взаимоотношения в своей социальной среде. К чему, по их мнению, был не способен весь окружавший их мир варваров.

Полис являлся типичной формой общественно-политической организации античной Греции. Характерно, что сами эллины под полисом подразумевали, в первую очередь, не поселение, а гражданский коллектив. Так, по мнению Аристотеля, «дело не в стенах, ведь весь Пелопоннес можно было бы окружить одной стеной. Чем-то подобным является Вавилон и всякий город, представляющий собой, скорее племенной округ, нежели государственную общину...» [3; 448]. В их понимании полис представлял собой суверенную гражданскую общину, ограниченную по численности и отличавшуюся привилегированным положением одной ее части по отношению к неполноправному или бесправному ее остальному населению.

Атрибутивным качеством античного гражданина, выделявшим его среди остальной массы населения, являлась свобода. Свобода в античном представлении — это, прежде всего, свобода политическая. Возможность гражданина как участника «законосовещательной или судебной власти» определять судьбу своего полиса. Античный гражданский коллектив выступал в качестве суверена, распоряжаясь ресурсами своей территории и осуществляя контроль над населением всего полиса. Верховным органом власти в полисе была экклесия, представляющая собой народное собрание. Каждая из очередных экклесий выполняла особый род функций: избрание должностных лиц, законодательную деятельность, наказание государственных преступников, решение вопросов войны и мира, переговоры с другими городами и государствами и т.д. Аристотель усматривает главной задачей граждан —

сохранение государственного строя. Этим и обуславливалась соответствующая система обязанностей, налагаемых на свободных граждан античного полиса как государства.

В первую очередь, добросовестно исполняя требования, входившие в состав его обязанностей, гражданин только потом, то есть, уже во вторую очередь, мог рассчитывать на получение соответствующих прав. Но мера этих прав находилась в прямой зависимости от меры и качества выполненных им обязанностей. Это нашло свое отражение в сущности такого понятия, как «распределяющая справедливость», восходящего еще к пифагорейцам, и сформулированного Аристотелем как необходимость деления благ «по достоинству», т.е. пропорционально вкладу или взносу в общее дело того или иного гражданина [3; 528]. Что целилось гораздо выше так называемого «равенства по количеству», применявшегося, к примеру, в сфере обмена.

Здесь следует особо подчеркнуть, заслугой греков является как раз то, что право, понимаемое в данном контексте, они начинают рассматривать лишь в качестве только одного из видов социального нормирования. При этом считалось, что даже полисные законы есть результат соглашения, достигаемыми между свободными гражданами. «Да и закон в таком случае оказывается простым договором или, как говорил софист Ликофрон, просто гарантией личных прав, сделать же граждан добрыми и справедливыми он не в силах» [3; 461]. Здесь четко просматривается мысль о том, что понятия «справедливость» и «закон», в подлинном смысле этого слова, означают далеко не одно и то же.

Поэтому не случайно каждый из античных философов в понятие справедливости вкладывал свой смысл. Пифагор — «в воздаянии другому равным». Платон усматривал в справедливости занятие каждым сословием, равно как и каждым его членом, исключительно своим делом и невмешательство в дела других. Аристотель под справедливостью понимал служение государства общему благу безотносительно к количеству обладающих верховной властью. «Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных; они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей» [3; 456]. Исходя из этого, Стагирит был сторонником монархии, аристократии и политики и противником тирании, олигархии и демократии.

Но если его отношение к тирании вполне понятно, то обоснование им причин столь негативного отношения к двум последним, похоже, не утратило своей актуальности и сегодня. Определяя возникновение демократии и олигархии, он считал, что «благородное происхождение и добродетель присущи немногим, а противоположные качества — большинству; людей благородного происхождения и доблестных нигде не наберешь и сотни, а неимущие имеются повсюду» [3; 528].

Таким образом, древнегреческий полис представлял собой гражданскую общность, формируемую на основе добровольного объединения, члены которого безусловно обладали, в первую очередь, политической свободой. Вследствие чего в обустройстве всех сторон их индивидуальной и коллективной жизнедеятельности четко просматривается логика взаимосвязи: свобода–обязанности–права.

Поворотной в представлениях о взаимосвязи гражданского общества и государства становится Римская империя. Несмотря на то, что римлян принято считать идейными последователями греков, их мировоззрение приобрело ярко выраженный юридизированный характер.

Процесс формирования римского государства сопровождался острой сословной борьбой плебеев с патрицианско-жреческой верхушкой, а также с противоречиями между светской и религиозной аристократией. Патриции, находившиеся у власти, ведали распределением земель провинций, завоеванных Римом, являвшихся собственностью государства. А также распоряжалась государственными рабами. Плебеи были лишены подобных возможностей. Занимаясь в основном ремеслом и мелкой торговлей, некоторые из них становились весьма богатыми. Что позволило им претендовать и на определенное влияние в римском обществе. И патриции были вынуждены раз за разом идти им на уступки. Постепенно плебеи получали все новые и новые права, в том числе в сфере политической. Каждое из этих завоеваний закреплялось законодательно.

Рим, в отличие от греческих полисов, являлся империей. В силу чего становится центром международных экономических и политических отношений. Поэтому возникала жизненная необходимость в выработке таких законодательных норм, которые, в определенной мере, устраивали бы представителей различных народов, рас, религий и т.д. Поэтому особенностью римского права является его направленность на законодательное предоставление прав, в первую очередь, членам римской гражданской общины (*civitas*). Постепенно законодательно расширялись и закреплялись все новые виды их прав: на собственность, на свободу договоров, на завещание и т.д. У греков в социальном

нормировании права являлись производными от обязанностей. У римлян права теперь стали находиться в прямой зависимости от диктата соответствующего закона.

Этому во многом стало содействовать и то, что деятельность римских юристов была направлена на решение нужд как государственной, так и частной жизни. Так, разделение земельной собственности на государственную (общественную) и частную привело к возникновению соответствующих сфер права. Римский юрист Домиций Ульпиан (II–III вв.) первым сформулировал принцип разделения права на публичное и частное: «Публичное право — то право, которое относится к пользе Римского государства, частное — то право, которое относится к пользе отдельных лиц» [4]. При этом частно-правовая сфера ставилась в зависимость от публичной власти. Ведь необходимый набор прав в этой сфере законодательно определяло теперь именно государство.

Таким образом, разделение римского права на публичное и частное заложило тенденцию дифференциации понятий гражданского общества и государства уже в ином формате.

В средние века вопросов о гражданском обществе и государстве не могло быть по определению. В условиях безраздельного господства идеологии тео-церкво-центризма задачи любых социальных институтов и нормирование всех видов правоотношений осуществлялось по канонам религии. Церковь всячески стремилась найти ключ к господству не только над отдельным человеком, но и над государством. К примеру, как отмечал Августин, существование государства (как и права вообще) невозможно без справедливости, а истинная справедливость возможно только там, где живут по заповедям Бога.

Свою трактовку в понимании проблематики в соотношении права и закона, в контексте христианских представлений о месте и назначении человека в божественном миропорядке, о природе человека, его этических качествах, можно найти у Фомы Аквинского. Он дает следующее определение закона: «закон есть правило и мера действий, в соответствии с которыми человек обязан действовать или воздерживаться от действия; в самом деле, слово «lex» (закон) происходит от слова «ligare» (обязывать), поскольку он обязывает к действию» [5]. Поскольку целью закона является служение общему благу, то прерогативой установления законов обладает тот, чей функцией является забота о сообществе. В целом же, жизнь в любом типе религиозного сообщества строилась в логике: вера–обязанности–права.

Однако, уже начиная с эпохи Ренессанса, антропоцентризм (когда центральное место во всех культурных и научных изысканиях начинает занимать человек) становится доминирующим принципом. Концептуальную основу представлений о взаимосвязи государства и гражданского общества составляют идеи, сложившиеся в Новое время и эпоху Просвещения. Это было обусловлено потребностями деятельности людей согласно запросам реальной, а не загробной жизни. Для того, чтобы сделать мироздание более доступным и прогнозируемым, проникнуть в его тайны, человечество стремится выявить закономерности окружающего его мира. Что во многом способствовало развитию естественных наук. Естественнаучный подход был экстраполирован и на сферу взаимосвязи человека и социума. Считалось, что человек, как и общество, подчиняется тем же законам, что и природа. Отсюда и возникновение различных философских идей о «естественном состоянии людей» и формирование на их основе различного рода естественно-правовых концепций.

Несмотря на детальные различия, их авторы сходились во мнении, что любое искусственное социальное образование не вправе отчуждать те права, которые даны человеку самой природой. Так, согласно мнению Гуго Гроция, естественное право «столь незыблемо, что не может быть изменено даже богом... подобно тому, как бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро» [6; 72].

Дальнейшая юридизация проблемы «всеобщей справедливости» в контексте позитивного права нашла отражение в различных философско-правовых воззрениях. Обратим внимание лишь на некоторые из них, отдельное содержание которых, в данном случае, представляют собой определенный интерес.

Так, Фрэнсис Бэкон особое внимание обращает на различия между законом по существу (справедливым законом) и формальным законом (законом лишь по «обличию»). Он отстаивает идею о том, что монарх должен стремиться к справедливому правлению, опирающемуся на законы, считая, что не абсолютная власть, как воля короля, а только закон должен регулировать отношения между монархом и его подданными.

Томас Гоббс строит свою концепцию государственного устройства общества, выводя понятия «естественного права» и «естественного закона». Под естественным правом понимается «свобода

всякого человека использовать собственные силы по своему усмотрению для сохранения своей собственной природы, т.е. собственной жизни, и, следовательно, свобода делать все то, что, по его суждению, является наиболее подходящим для этого» [7; 98]. А естественный закон трактуется как предписание, диктуемое разумом (здравым смыслом), согласно которому человеку запрещено делать то, что опасно для его жизни. Однако само наличие этих законов еще не ведет к миру и безопасности, так как они противоречат эгоистической природе человека. Гарантией их соблюдения, согласно его пониманию, может выступать только общая власть, принуждающая их к исполнению этих законов. Эта общая власть может быть установлена путем ее сосредоточения в руках суверена (человека или группы людей), выражающего общую волю. В этом делегированном представительстве и состоит сущность государства.

Правоотношения между сувереном и подданными имеют характер отношения власти и подчинения. При этом частные лица, куда относятся и объединения, создаваемые гражданами, не обладают политической свободой. Они не могут изменять форму правления, выступать против суверена, свергать установленную власть и т.д. Частные объединения законны лишь в том случае, если существуют с дозволения государства и подчинены ему. Таким образом, в концепции Томаса Гоббса впервые четко дано разграничение понятий гражданского общества как сферы частно-правовых отношений и государства как сферы публично-властных отношений. При этом первое ставится в зависимость от правового дозволения суверена. В связи с чем, Т. Гоббс считается родоначальником буржуазного юридического позитивизма.

Джон Локк, являющийся последователем теории Гоббса, идет дальше. Он называет общество, созданное на договорной основе политическим или гражданским, что по содержанию совпадает с понятием государства: «Когда какое-либо число людей так объединено в одно общество, что каждый из них отказывается от своей исполнительной власти, присущей ему по закону природы, и передает ее обществу, то тогда, и только тогда существует политическое, или гражданское общество» [8; 312]. Задача государства, в таком случае сводится к защите естественных прав человека, среди которых право на жизнь, право на свободу и собственность. Для того чтобы эта власть не стала деспотической, Локк выдвигает концепцию разделения власти на три ветви: законодательную, исполнительную, федеративную.

Поскольку основным регулятором общественных отношений являются законы, то вполне естественно, что верховной является власть законодательная. Несмотря на это, она ни в коем случае не должна быть деспотической. «Эта власть, — пишет Локк, — в своих самых крайних пределах ограничена общественным благом... следовательно, никогда не может иметь права уничтожать, порабощать или умышленно разорять подданных» [8; 340–341]. Чтобы те, кто наделен полномочиями законодательной власти, не превратили государство в орудие защиты собственных интересов, необходимо их переизбирать, для того чтобы они сами попадали под действия законов, созданных же ими самими. Здесь четко прослеживается мысль о влиянии граждан на формирование государства, заботящегося о их интересах.

Главная тема политико-правовой теории Ш.Л. Монтескье и основная ценность, отстаиваемая в ней, — политическая свобода. Поэтому он разделяет законы политические и законы гражданские. Политические законы ограничивают естественную свободу человека, взамен давая свободу гражданскую. Для того чтобы жить по гражданским законам люди отказываются от общности имущества, получая при этом частную собственность. Основной тезис, выдвинутый Монтескье: «Не следует решать по законам свободы, являющейся, как мы же сказали, господством гражданского общества, вопросы, которые должны решаться по законам собственности» [9].

В философско-правовых воззрениях на государство Жан-Жака Руссо отмечается, что «естественное состояние» есть состояние всеобщей свободы и равенства. В состоянии «нравственном» или «политическом» господствует противоречащее естеству социальное неравенство, вызванное появлением частной собственности. Для Руссо выходом из состояния несправедливости является формирование договорнообусловленного государства и законов, которым все подчиняются одинаково, как власть, так и граждане. Говоря о законах, благодаря которым возможно добиться определенной гармонии между правами власти и правами человека, он, тем не менее, особую роль отводит значимости нравов, обычаев и общественного мнения. Они, в понимании Руссо, наиболее важны и составляют сущность государства: «Эти законы запечатлены не в мраморе, не в бронзе, но в сердцах граждан; они-то и составляют подлинную сущность Государства. Эта область неведома нашим политикам, но от нее зависит успех всего остального...» [10].

Практическому воплощению идей о государственном обустройстве общества на основе «естественного права» во многом способствовали «Французская декларация прав человека и гражданина» и американский «Билль о правах», которые легли в основу Конституций Франции и США.

Так, уже первые статьи «Французской декларации прав человека и гражданина», провозглашая приоритет «естественного права», закону о правах уделяют особое внимание. «Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению» [11].

На это обращается внимание уже и в первой поправке американского «Билля о правах», согласно которой: «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями о прекращении злоупотреблений» [12].

Но здесь следует обратить внимание на то, что и в первом, и во втором случае закон гарантирует соблюдение прав и свобод человека лишь гражданам, находящимся под юрисдикцией, в данном случае, только Франции и США. К примеру, «все лица, родившиеся или натурализованные в Соединенных Штатах и подчиненные их юрисдикции, являются гражданами Соединенных Штатов и штата, в котором они проживают» [12]. Таким образом, здесь речь идет о гражданине как о человеке, являющимся членом вполне конкретного государства. И именно оно, по своей властной воле, наделяет его тем или иным набором прав и свобод. Как справедливо отмечает В.С. Нерсесянц, термин «гражданское общество» в данном случае явно не соответствует тому, что им обозначается. «Ведь сообществом граждан является не гражданское общество, а, напротив, государство. В сфере же гражданского общества — вопреки наименованию мы имеем дело как раз не с гражданином (не с политической фигурой, не с субъектом публично-властных отношений и публичного права), а с частным, неполитическим и непубличным человеком — носителем частных интересов, субъектом частного права, участником гражданско-правовых отношений» [13; 110].

В данном случае наглядно демонстрируется логика соотношения: закон–права–свобода. А вопрос об обязанностях отнесен как бы на второй план.

Возврат о значимости паритета между правами и обязанностями, равно как особая заслуга в дальнейшем теоретическом исследовании проблем взаимоотношения гражданского общества и государства принадлежит немецкой классической философии. Главной отличительной особенностью теоретических воззрений ее представителей является то, что они основаны на использовании интроспективного подхода. Последний характеризуется поиском определенного «активного деятельного начала», являющегося причиной самоорганизации и саморазвития как природы, так и социума. Главной задачей философии стало обоснование процесса достижения свободы человеком через преодоление антиномии свободы и необходимости. Но для этого оказались тесными не только рамки теоцентризма, просветительского рационализма, но и прагматизма.

Первую попытку решения этой задачи предпринял И. Кант. Он исходил из того, что человек, во-первых, является частью природы, где господствуют законы всеобщей каузальности. Следовательно, действия человека в этой плоскости подчинены необходимости. Но человек, помимо природной сущности (как феномен), также обладает сущностью трансцендентальной (ноумен или вещь в себе). И вот здесь уже его поступок является актом свободной воли, не подчиненной необходимости.

По большому счету, Кант проблему права пытается рассматривать не в рамках традиционного, субъект-объектного, а в контексте субъект-субъектного парадигмального видения, столь характерного для античных мыслителей. Но эта идея немецкого философа так и осталась невостребованной, ни во времена самого Канта, ни потом, при разработке правовых теорий даже так называемого демократического плана. Это и не удивительно. Ведь господствующее в условиях доминирования в обществе отношений господство-подчинение всех тех, кто ниже него рангом, воспринимает не иначе, как в качестве одной из разновидностей средств, или способов при достижении им (ими) своих собственных (или корпоративных) интересов и целей.

Именно поэтому смысл и назначение права Кант видит в том, чтобы ввести свободу и произвол всех индивидов (как властвующих, так и подвластных) в разумные и общезначимые рамки. Но достичь этого на практике весьма проблематично. «Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распоряжался бы им в соответствии с законом... Вот почему эта задача самая трудная из всех; более того, полностью решить ее невозможно; из столь кривой тесины, как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого. Только приближение к этой идее вверила нам природа» [14; 14].

Особое место в философском осмыслении проблем свободы, права, гражданского общества и государства занимает «Философия права» Гегеля. В гегелевской философской системе право подчинено Логике саморазвития Абсолютной идеи. Когда Абсолютная идея, свободная по своей сути, пребывает на стадии диалектически развивающегося духа, то свобода приобретает объективную форму в виде правовых образований. Абстрактное право конкретизируется в наличном мире в виде семьи, гражданского общества и государства.

Согласно Гегелю, в основе гражданского общества лежат интересы, потребности и цели отдельной личности: «В гражданском обществе каждый для себя — цель, все остальное для него ничто. Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей во всем их объеме: эти другие суть поэтому средства для цели особенного. Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу» [15; 228].

Гегель определяет государство как субстанциальное единство, абсолютную самоцель, в которой свобода достигает своего высшего права. Взаимосвязь гражданского общества и государства Гегель характеризует следующим образом: «По отношению к сферам частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, государство есть, с одной стороны, *внешняя* необходимость и их высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят их законы и их интересы; но, с другой стороны, оно есть их *имманентная* цель, и его сила — в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов, в том, что они в такой же степени имеют обязанности по отношению к нему, как обладают правами» [15; 287]. В гегелевской концепции подчеркивается паритетность гражданского общества и государства как в обязанностях, так и в правах: обязанности граждан есть права государства, а обязанности государства есть права граждан.

Фактически с этого времени происходит окончательное размежевание между философским и чисто юридическим подходами в понимании сущности права как такового.

Во многом этому способствовало появление в научном обороте такого термина, как «правовое государство» (*Rechtsstaat*). Это было связано с тем, что в первой трети XIX века продолжался поиск идей об утверждении государственного союза, в котором бы четко разграничивались взаимоотношения гражданина и государства. Впервые данный термин был использован в трудах немецких юристов К.Т. Велькера, Р. фон Моля, Р.Г. Гнайста и других. Так, Моль в науке государственного права «впервые отделил от понятия о государстве понятие об обществе как о самостоятельном союзе граждан, преследующем свои собственные, дозволенные законом цели; он сделал даже попытку установить особый отдел общественных наук, стоящий между правами государственным и гражданским» [16].

Поэтому не случайно в дальнейшем термин «правовое государство» все больше стал ассоциироваться с его трактовкой именно в юридическом формате. В итоге это обернулось тем, что в признании и защита прав и свобод человека в данном понимании стало своеобразным ориентиром для государственного обустройства теперь уже и всего современного мирового сообщества.

Не случайно в либерально-демократических концепциях о построении правового государства главный акцент делается на создании государства с ярко выраженной идеей о так называемом народном суверенитете, концентрирующим в себе единство права и законности, распространяющихся в одинаковой мере на все население страны.

Наглядным подтверждением тому может служить «Всеобщая декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. Отсутствие в ее названии понятия «гражданин» было предопределено уже тем, что, с одной стороны, она принималась мировым сообществом. А во многих государствах, даже проголосовавших за эту резолюцию, граждане были далеко не паритетны во взаимоотношениях со своей властью. А с другой, это наглядно свидетельствует о безусловной приверженности мирового сообщества идеям естественно-правовых концепций. И хотя разработчики первых «Деклараций» о правах человека и гражданина по данным вопросам обращались к идеям античности, однако «Всеобщая декларация прав человека» по своему содержанию в корне отлична от этих идей.

Прежде всего, уже в ее Преамбуле отмечается, что «признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира;...«необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения...» [17]. Обращает на себя внимание и тот факт, что в самой

«Всеобщей декларации...», состоящей из 30 статей, речь идет, в основном, только о правах и свободах. И лишь в одной, 29 статье, напрямую упоминается об обязанностях:

1. «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

2. «При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом».

3. «Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций» [17].

Если обратиться к содержанию и другим международных деклараций, конвенций и пактов о гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и иных правах, то нетрудно заметить, что и в них основной акцент делается только на предоставлении человеку различного рода прав и свобод. А если и встречаются упоминания об обязанностях, то они носят чисто формально-декларативный характер. Так, к примеру, на сегодня речь идет уже даже о четвертом поколении прав человека, которое стало формироваться в 1990-х гг. XX века. И здесь, пожалуй, трудно не согласиться с мнением, что «субъектом прав человека современных правовых доктрин является хайдеггеровский *das Man* — ничем не отличающийся от себе подобных человек массы, анонимный и безликий носитель конвенционально принятых норм усреднённой повседневности» [18; 8].

Поэтому стоит ли особо удивляться тому, что в общественном сознании на сегодня в качестве господствующего доминирует мнение, согласно которому, именно «право потому и «право», что оно (закрепленное в законах и выраженное в юридических нормах) «говорит о правах». А в практике законодательно нормированного регулирования всех видов социальных взаимоотношений, доминирующей является логика: закон—права—свободы.

Таким образом, в этих условиях сфера функционирования гражданского общества возможна исключительно только в рамках тех законов, которые устанавливает государственная власть. В реальности это оборачивается тем, что в данном случае гражданское общество есть ничто иное, как гражданско-подданнический формат проявления государственного патернализма. Его характерной особенностью является то, что сфера гражданского общества по функции является ведомой во взаимоотношении с государством. Ведь характер сферы этой деятельности предопределен теми законодательными рамками, которые государство сочтет полезными и безопасными в целях собственного самосохранения.

В подобном формате осуществлялось формирование гражданского общества практически во всех постсоветских государствах, включая и Казахстан. Причем главной особенностью данного процесса является то, что он осуществлялся путем механического заимствования чужих образцов. И происходило все это, как правило, по инициативе самой власти. Здесь следует признать, что, наряду с традиционно используемыми формами, государство в своем стремлении сформировать гражданское общество шло по пути и собственных нововведений.

Так, в Республике Казахстан были созданы такие объединения, как Ассамблея народа Казахстана, Национальный совет общественного доверия при Президенте РК, национальная палата предпринимателей «Атамекен», Совет отечественных предпринимателей и т.п. В целях активизации гражданской инициативы населения активно осуществляется финансирование неправительственных организаций посредством грантов, стипендий и премий. Все это обусловлено стремлением власти соответствовать международным стандартам правового государства.

Однако процесс становления правового государства в республике осуществлялся на фоне постоянно углубляющегося экономического неравенства среди ее населения. Что наглядно свидетельствует о доминировании субъект-объектной парадигмы организации практически всех сфер жизни страны. Это во многом обусловлено как внешними, так внутренними факторами.

Как известно, своеобразным триггерным событием, непосредственно запустившим процесс распада СССР, явилось подписание тремя руководителями союзных республик соглашения о их выходе из союзного государства и создание Содружества Независимых Государств (СНГ). Примечательна в этом случае реакция Президента США на данное событие. «США поддерживают важное решение стран, которые хотят обеспечить свободу. Это, безусловно, заложено в основу Содружества Независимых Государств. Конечно, в этих странах теперь может наблюдаться некоторая нестабильность. Временами возможен хаос. Но выбор этих стран соответствует национальным интересам Америки» [19].

И именно международное сообщество во главе с США приложили максимум усилий для того, чтобы молодые суверенные государства оказались в притягательных объятиях «мягкой силы», обеспечивавшей их переход и к правовому государству, и к рыночной экономике, и к утверждению у себя западного образа жизни. Как известно, «soft power», «мягкая сила» — это власть, которая реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое поведение воспринимается реципиентом как собственный свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подвластному субъекту радость и удовольствие» [20; 7]. В силу чего Казахстану по либеральным канонам и при непосредственном участии консультантов от МВФ и Всемирного банка довелось довольно удачно вписаться в современное олигархическое цивилизационное пространство.

А ускоренному формированию в стране своего собственного государственного олигархата далеко не последнюю роль сыграло проявление в различной степени этно-родового-кланово-номенклатурного трайбализма. Как здесь не вспомнить слова, сказанные еще Аристотелем: «...по законам строй, скорее, демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям, скорее, олигархический» [2; 498]. Как следствие, в силу этого и ряда других причин тридцатилетие суверенного существования государства ознаменовалось тем, как было отмечено Президентом Касым-Жомартом Токаевым: «международные эксперты... утверждают, что всего 162 человека владеют половиной состояния Казахстана» [21].

Естественно, существование большей части населения страны, в силу исторически обусловленного богатейшего ресурса толерантности и терпимости по отношению к проявлению различного рода жизненных коллизий, прежде всего, у коренных жителей, тоже не является беспредельным. Поэтому январские события, начавшиеся в рамках демонстрации частью населения своих гражданских прав, наглядно продемонстрировали, с одной стороны, многовекторность проявления заинтересованности отдельных сил в использовании фактора социальной напряженности в своих, далеко не благовидных целях. А с другой — явную ущербность формата обустройства правового государства, где во всех видах организации социальных взаимоотношений доминирует логика: закон—права—свободы.

Сегодня практически все цивилизационное пространство захлестнула волна различного рода протестных выступлений, связанных, в том или ином отношении, с отстаиванием населением своих гражданских прав и свобод. На этом фоне уже вполне традиционным стало сопровождение этих, первоначально вполне мирных акций, мародерством, грабежами, поджогами, актами насилия, вандализма и т.д. Даже в оправдание всему этому был введен в оборот специально такой термин, как «looting» [22].

И здесь хотелось бы обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство. Сегодня в Казахстане подавляющая часть молодого поколения, рожденного, подрастающего и уже сформировавшегося в условиях суверенного существования страны, где непосредственно, а большей частью благодаря Интернету и другим каналам, невольно становится ориентированной на образ жизни и демократические ценности западного мира. Доминирующий в этом мире культ всеисилия закона, легально утверждающий в жизнь всевозможного рода права и свободы, все больше способствует переводу таких понятий, как обязанности, долг, честь, совесть в разряд ненужной архаики. И данная тенденция все более усиливается в условиях постоянно прогрессирующего олигархического формата обустройства мира, когда субъект-объектная парадигма, несмотря на все так называемые либерально демократические нововведения, является доминирующей при организации практически всех сфер социальных взаимоотношений.

Выводы

Ретроспективный анализ особенностей даже рассмотренных идей наглядно свидетельствует о том, что на протяжении всей истории, как правило, в социальном пространстве доминирующей является субъект-объектная парадигма организации всех форм и видов социальных взаимоотношений, как внутри, так и на межгосударственном уровне. Ее характернейшей особенностью является то, что наименьшая часть общества вполне легитимным путем получает возможность выступать в роли субъекта по отношению к остальной, объектоподобной его части. И это во многом достигается за счет того, что в структуре нормирования практически всех сфер жизни, в том числе и современных государств, преобладает логика: закон—права—свободы.

По этой причине со временем произошла трансформация представлений не только о гражданском обществе и государстве, но и о таких понятиях, как свобода, равенство, обязанности, права и т.д. Так античные воззрения под свободой гражданина подразумевали его прямое участие в управле-

нии государством. Для современного же человека это своеобразная гарантия невмешательства в его личную жизнь, охраняемая законами, предоставляющими ему набор всевозможных прав и свобод. Данный формат применения «soft power», «мягкой силы» уже привел к тому, что в общественном сознании все больше неизменным становится мнение, согласно которому в правоотношениях доминирующей является сфера регламентации, прежде всего, именно прав и свобод.

Данный предельно юридизированный формат является определяющим эталоном законодательного нормотворчества при обустройстве практически всех сфер жизни государств, относимых сегодня к разряду правовых.

Этих же позиций придерживается и большинство тех, кто в той или иной мере занимается исследованием проблем, связанных, в данном случае, с реализацией прав и свобод, предоставляемых своим гражданам правовыми государствами.

Таким образом, в современных правовых государствах сам процесс законодательной легитимизации все большего и большего числа прав и свобод, инициируемых зачастую даже незначительной частью его гражданами, властями преподносятся как проявление либерально демократических нововведений. Наглядно это демонстрируют наиболее эпатажные из них. Такие, как законы об однополых браках, законы о гендерном самоопределении и т.п. А стремление сделать их эталоном для подражания на всем демократическом пространстве, свидетельствуют, что учет при этом нравственно этических идеалов и ценностей все больше и больше предается забвению.

Негативный характер данных тенденций, наряду с другими обстоятельствами, определенным образом нашел свое практическое воплощение и в январских событиях в Казахстане. Ведь первоначально экономические требования граждан были довольно быстро были переформатированы в разряд политических, в том числе в требования об отставке правительства. Одновременно на этом фоне стали проявляться рецидивы вседозволенности. Начались акты насилия, грабежи, вооруженные нападения на представителей власти, погромы и т.п. В дальнейшем стремительно нарастающий взрывоопасный потенциал подобного рода действий, не без подключения к этому определенных заинтересованных сил и координаторов, мог привести даже к попытке совершения в стране государственного переворота.

Дальнейшее безоговорочное следование подобному курсу Казахстана и впредь таит в себе реальную угрозу, связанную с исчезновением, прежде всего, того духовного богатства, благодаря которому его народу удавалось выжить и сохранить свою самобытность и культуру на протяжении всей многовековой истории его существования.

Список литературы

- 1 Экс-глава КС ФРГ опасается эрозии права на фоне пандемии коронавируса [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.msn.com/ru-ru/news/world/экс-глава-кс-фрг-опасается-эрозии-права-на-фоне-пандемии-коронавируса/ar-BB123YAk>
- 2 Федорова А. Дефиниции гражданского общества в посткоммунистических и либерально-демократических государствах — общее и особенное: сравнительный анализ / А. Федорова. // Аль-Фараби. — 2020. — № 2. — С. 114–124.
- 3 Аристотель. Сочинения. [В 4-х т]. — Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — 830 с.
- 4 Дигесты Юстиниана. — Кн. 1. — Тит. 1. — Фр. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm? a=3300101001#4>
- 5 Фома Аквинский. Сумма теологии. — Т. VI. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom>
- 6 Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. — М.: Ладомир, 1994. — 868 с.
- 7 Гоббс Т. Сочинения. — Т. 2 / Т. Гоббс / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; пер. с лат. и англ. — М.: Мысль, 1991. — 731 с.
- 8 Локк Дж. Сочинения. — Т. 3. / Дж. Локк. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
- 9 Монтескье Ш.Л. О духе законов [Электронный ресурс] / Ш.Л. Монтескье. — Режим доступа: https://librebook.me/o_duhe_zakonov/vol1/1
- 10 Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического права [Электронный ресурс] / Ж.-Ж. Руссо. — Режим доступа: http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt_with-big-pictures.html
- 11 Французская декларация прав человека и гражданина [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm>
- 12 США — Билль о правах, защита личных свобод [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.agitclub.ru/front/amer/america01.htm>

- 13 Нерсесянц В.С. Философия права: учеб. для вузов / В.С. Нерсесянц. — М.: Инфра. М–Норма, 1997. — 647 с.
- 14 Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. — Т. 6 / И. Кант. — М.: Мысль, 1966. — С. 5–24.
- 15 Гегель. Философия права / Гегель. — М.: Мысль, 1990. — 524 с.
- 16 Моль Роберт. Академик [Электронный ресурс] / Моль Роберт. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/68709/Моль
- 17 Всеобщая декларация прав человека. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/tu/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml
- 18 Дунаев В. Права человека как возвышенный объект идеологии / В. Дунаев, В. Курганская // Адам әлемі. — 2017. — 3 (73). — С. 3–20.
- 19 Буш Дж. // Известия. — 1991. — 26 дек.
- 20 Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. — Екатеринбург: Изд. дом «Дискурс-Пи», 2015. — 376 с.
- 21 Токаев К.-Ж. Новый экономический курс Казахстана / К.-Ж. Токаев // Казахстанская правда. — 2022. — 24 янв.
- 22 Лутеры, а не мародёры: почему многие американцы не осуждают грабежи во время протестов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://baza.io/posts/45587b22-7869-4338-98c6-8fc2bafa74e>

В.С. Батурич

Азаматтық қоғам мен құқықтық мемлекеттің қатар өмір сүруінің өзара тәуелділігі (логикалық және әдістемелік дискурс)

Мақалада логикада жүзеге асырылатын мемлекеттік заң шығарудың мінсіздігі туралы сенімдерге күмән келтіретін себептер қарастырылған: заң-құқық-бостандық. «Азаматтардың өз құқықтары мен бостандықтары үшін күресіне» қатысты наразылықтар әсіресе COVID-19-ға байланысты шиеленісе түсті, тіпті жекелеген мемлекеттердің тұтастығына қауіп төндіре бастады. Мысал ретінде, Қазақстан Республикасында болған 2022 жылғы қаңтар оқиғасын келтіруге болады. Ретроспективті талдау анализ идеясы, азаматтық қоғам мен мемлекет арасындағы ықпал етудің өзара тәуелділігі және олардың негізгі тенденцияларын анықтауға мүмкіндік берді. Ежелгі дәуірде азаматтардың өмірін мемлекеттік нормалау жүзеге асырылды: бостандық-міндет-құқық. Рим империясында мемлекет пен оның азаматтарының өмірін нормалау белгілі заңды форматты қабылдай бастаған. Бұл форматтағы идеялардың эволюциясы болашақта табиғи-құқықтық концепциялардың сан алуан түрлерінің біріккенін, кез келген жасанды қоғамдық формацияның жеке адамға табиғаттың өзі берген құқықтарын иеліктен шығаруға құқығы жоқ екенін анық көрсетеді. Сол кезден бастап мемлекеттердің заң шығаруында құқықтарға сөзсіз басымдық берілді. Неміс классикалық философиясы өкілдерінің азаматтық қоғам мен мемлекет арасындағы қатынастарындағы ілімдерінде міндеттер мен құқықтар арасындағы тепе-теңдіктің маңыздылығына оралу әлі де байқалады. Кейіннен логика: заң-құқық-бостандық бүгінгі күні құқықтық деп жіктелетін мемлекеттердің заң шығармашылығының айқындаушы атрибуты болып табылады. Нәтижесінде, азаматтық қоғамның жұмыс істеуі тікелей немесе жанама түрде олардың тікелей түрде қол астына өтті.

Кілт сөздер: азаматтық қоғам, құқықтық мемлекет, әділеттілік, бостандық, міндеттер, құқықтар, заң, табиғи құқық, субъект-парадигмалық объект.

V.S. Baturin

Interdependence of the coexistence of civil society and the rule of law (logical and methodological discourse)

The article discusses the reasons that cast doubt on the beliefs about the impeccability of state lawmaking, carried out in logic: law — rights — freedom. Protests related to the “struggle of citizens for their rights and freedoms”, especially aggravated in connection with COVID-19, even began to pose a threat to the integrity of individual states. An example is the January events of 2022 that took place in the Republic of Kazakhstan. A retrospective analysis of ideas about the interdependence of influence that exists between civil society and the state made it possible to identify their main trends. In antiquity, the state regulation of the life of citizens of the policy was carried out in the logic: freedom — duties — rights. In the Roman Empire, the rationing of the life of the state and its citizens begins to take on a pronounced legalized format. The evolution of ideas in this format clearly demonstrates that in the future various kinds of natural law concepts are united in that any artificial social formation has no right to alienate the rights that are given to the individual by nature itself. Since that time, in the lawmaking of states, unconditional priority has been given to rights. In the teachings of representatives of German classical philosophy in the relationship between civil society and the state, a return

to the importance of parity between duties and rights is still visible. Subsequently, the logic: law — rights — freedom became the defining attribute of the lawmaking of states that today are classified as legal. As a result, the functioning of civil society, directly or indirectly, came under their direct patronage.

Keywords: civil society, rule of law, justice, freedom, duties, rights, law, natural law, subject-object paradigm.

References

- 1 Eks-glava KS FRG opasaetsia erozii prava na fone pandemii koronavirusa [The former head of the Constitutional Court of Germany fears the erosion of law amid the coronavirus pandemic]. Retrieved from <http://www.msn.com/ru-ru/news/world/eks-glava-ks-frg-opasaetsia-erozii-prava-na-fone-pandemii-koronavirusa/ar-BB123YAk> [in Russian].
- 2 Fedorova, A. (2020). Definitcii grazhdanskogo obshchestva v postkommunisticheskikh i liberalno-demokraticeskikh gosudarstvakh — obshchee i osobennoe: sravnitelnyi analiz [Definitions of Civil Society in Post-Communist and Liberal Democracies — General and Special: Comparative Analysis] // *Al-Farabi*, 2, 114–124 [in Russian].
- 3 Aristotel (1983). *Sochineniia* [Compositions]. (Vols. 1–4). Moscow: Mysl [in Russian].
- 4 Digesty Yustiniana [Digests of Justinian]. Book 1, Title 1. Retrieved from <http://ancientrome.ru/ius/i.htm? a=3300101001#4> [in Russian].
- 5 Foma Akvinskii. *Summa teologii* [Sum of theology]. Vol. VI. Retrieved from <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom> [in Russian].
- 6 Grotsii, G. (1994). *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir [in Russian].
- 7 Gobbs, T. (1991). *Sochineniia* [Compositions]. Vol. 2. Moscow: Mysl [in Russian].
- 8 Locke, J. (1988). *Sochineniia* [Compositions]. Vol. 3. Moscow: Mysl [in Russian].
- 9 Montesquieu, Ch.L. *O dukhe zakonov* [About the spirit of laws]. Retrieved from https://librebook.me/o_duhe_zakonov/vol1/1 [in Russian].
- 10 Rousseau, J.-J. *Ob Obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava* [On the Social Contract, or the Principles of Political Law]. (A.D. Khaiutin, V.S. Alekseev-Popov, Trans). Retrieved from http://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/pravo.txt_with-big-pictures.html [in Russian].
- 11 Frantsuzskaia deklaratsii prav cheloveka i grazhdanina [French Declaration of the Rights of Man and Citizen]. Retrieved from <http://agitclub.ru/museum/revolution1/1789/declaration.htm> [in Russian].
- 12 SShA — Bill o pravakh, zashchita lichnykh svobod [USA — bill of rights, protection of individual freedoms]. Retrieved from <http://www.agitclub.ru/front/amer/america01.htm> [in Russian].
- 13 Nersesiants, V.S. (1997). *Filosofia prava: uchebnik dlia vuzov* [Philosophy of law: textbook for universities]. Moscow: Infra. M–Norma [in Russian].
- 14 Kant, I. (1966). *Ideia vseobshchei istorii vo vsemirno-grazhdanskom plane* [The idea of universal history in the world-civil plan]. Moscow: Mysl, 6, 5–24 [in Russian].
- 15 Gegel (1990). *Filosofia prava* [Philosophy of law]. Moscow: Mysl [in Russian].
- 16 Mol Robert. *Akademik* [Academician]. Retrieved from https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/68709/Mol [in Russian].
- 17 *Vseobshchaia deklaratsiia prav cheloveka* [Universal Declaration of Human Rights]. Retrieved from https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml [in Russian].
- 18 Dunaev, V., & Kurganskaia, V. (2017). *Prava cheloveka kak vozvysennyi obekt ideologii* [Human rights as a sublime object of ideology]. *Adam alemi*, 3 (73), 3–20 [in Russian].
- 19 Bush, G. (1991). *«Izvestiia» ot 26dekabria — “News” from 26.12* [in Russian].
- 20 Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). *Soft power: teoriia, resursy, diskurs* [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdatelskii dom «Diskurs-Pi» [in Russian].
- 21 Tokaev, K.-J. (2022). *Novyi ekonomicheskii kurs Kazakhstana* [New economic course of Kazakhstan]. *«Kazakhstanskaia pravda» ot 24 yanvaria — Kazakhstan truth* [in Russian].
- 22 Lutery, a ne marodery: pochemu mnogie amerikantsy ne osuzhdaiut grabezhi vo vremia protestov [Looters, not marauders: why many Americans do not condemn robberies during protests]. Retrieved from <https://baza.io/posts/45587b22-7869-4338-98c6-8fc2bafea74e> [in Russian].